

Роберт ГЕЙТС

УДК 821.111-94(73)
ББК 84 (7Сое)-44
Г27

Серия «Политика»

Robert M. Gates
THE DUTY
MEMOIRS OF A SECRETARY AT WAR

Перевод с английского В. Желникова
Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения издательства Alfred A. Knopf,
an imprint of The Knopf Doubleday Group,
a division of Random House, LLC.

Гейтс, Роберт

Г27 Долг. Мемуары министра войны : / Роберт Гейтс; пер. с
англ. В. Желникова. — Москва: АСТ, 2014. — 798, [2] с. — (По-
литика).

ISBN 978-5-17-084568-2

Эта книга повествует о четырех с половиной годах войны: о боевых действиях американской армии в Ираке и Афганистане, о войне против «Аль-Каиды» и Усамы бен Ладена.

Кроме того, эта книга рассказывает о личной войне Роберта Гейтса с конгрессом — войне, которая продолжалась каждый день его пребывания на министерском посту. Рассказывает о драматическом контрасте между публичной респектабельностью двухпартийной системы и личными чувствами, которые вызывала эта мнимая респектабельность и среди которых преобладали разочарование, отвращение и ярость.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Robert M. Gates, 2014
© Перевод. ООО «Мидгард», 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

*Эта книга посвящается мужчинам и женщинам, несущим
службу в вооруженных силах Соединенных Штатов Америки*

От автора

Эта книга повествует о моих четырех с половиной (и даже больше) годах войны. Преимущественно в ней рассказывается, конечно, о боевых действиях в Ираке и Афганистане (плоды первоначальных побед в обеих странах были омрачены тактически ошибками, политической близорукостью и возобновлением активного противостояния); также в книге много места уделяется ситуации в Вашингтоне, развитие которой спровоцировало длительную и жестокую кампанию с целью избежать стратегического поражения. Да, в основном я рассказываю о войне против «Аль-Каиды» и Усамы бен Ладена, на которых лежит ответственность за нашу национальную трагедию, 11 сентября 2001 года. Кроме того, эта книга повествует о моей политической войне с конгрессом — войне, которая продолжалась каждый день моего пребывания на министерском посту, а еще — о драматическом контрасте между публичной респектабельностью двухпартийной системы и моими личными чувствами, которые вызывала эта мнимая респектабельность и среди которых преобладали разочарование, отвращение и ярость. Имели место и политические войны с Белым домом, прежде всего с сотрудниками администрации, а иногда и с президентами — причем с президентом Обамой мы воевали чаще, чем с президентом Бушем. Наконец, я намерен поведать о своей бюрократической войне с министерством обороны и армейскими структурами, войне по превращению министерства из органа, планирующего подготовку к военным операциям, в полноценный боевой командный центр, войне по превращению имевшихся у нас вооруженных сил в такие вооруженные силы, которые были необходимы для победы.

Джордж У. Буш и Барак Обама оказались соответственно седьмым и восьмым президентами США, с которыми мне довелось работать. Ни с одним из них я не был знаком лично, когда началось наше сотрудничество, и они тоже меня не знали. К моему удивлению (и ужасу), выяснилось, что я — единственный в истории США министр обороны, которого новоизбранный президент попросил остаться в должности, причем его не смутила даже моя принадлежность к другой партии. Свой пост я занял в середине декабря 2006 года, преследуя конкретную цель — сделать все возможное, дабы предотвратить катастрофу, которую сулило положение дел в Ираке. Я понятия не имел, как этого добиться, и совершенно не представлял, сколь радикальные изменения потребуются произвести в Пентагоне ради достижения этой цели. А еще я и думать не думал, насколько кардинально и насколько далеко со временем моя миссия распространится за пределы Ирака.

Оглядываясь назад, я обнаруживаю другую составляющую моих четырех с половиной лет в состоянии войны, параллельную войне, — это любовь. Под этим словом я подразумеваю любовь — именно так и никак иначе, — с которой привык относиться к американским вооруженным силам, и всеобъемлющее чувство личной ответственности за них. Скажу прямо: исключительно этой любовью и этой ответственностью определялись некоторые мои самые важные и значимые решения. К концу моего пребывания в должности дошло до того, что я едва справлялся с волнением, когда говорил с американскими солдатами или рассказывал о них. В начале пятого года на министерском посту я осознал, что мое стремление защитить их — в войнах, которые мы на тот момент вели, и в прочих, которых хотелось бы избежать, — затуманивает мои суждения и тем самым резко снижает мою полезность для президента; это обстоятельство сыграло определенную роль в моем решении уйти в отставку.

Я не претендую на то, чтобы считаться автором полной, тем более окончательной истории войн в период с 2006 по 2011 год. Это просто моя личная история — рассказ о том, как я служил министром обороны США в эти бурные и трудные годы.

Глава 1

ПРИЗВАННЫЙ НА СЛУЖБУ

В августе 2002 года я стал президентом Техасского университета* и к октябрю 2006-го успел отработать значительную часть своего пятого года в этой должности. Я был по-настоящему счастлив, и многие «агги»** (хотя и не все) считали, что мне удалось изменить к лучшему едва ли не все аспекты университетской жизни и деятельности (не считая разве что футбола). Первоначально я полагал, что пробуду президентом только пять лет, но потом согласился увеличить этот срок еще на два года — до лета 2009-го. После чего мы с женой Бекки рассчитывали наконец осесть в нашем доме на Тихоокеанском побережье.

Неделя, отсчет которой пошел с 15 октября 2006 года и которая коренным образом изменила мою жизнь, началась традиционно — с нескольких деловых встреч. Затем я отправился в рабочую поездку, и ее конечным пунктом был Де-Мойн, штат Айова, где мне предстояло выступить с речью в пятницу, 20 октября.

В тот же день, где-то после часа пополудни, я получил по электронной почте письмо от моего секретаря Сэнди Кроуфорд; в письме сообщалось, что советник по национальной безопаснос-

* Техасский сельскохозяйственный и политехнический университет — исследовательский центр, флагманское научное учреждение тexasской системы университетского образования, четвертый в списке крупнейших университетов США. Тесно сотрудничает с НАСА, Национальным институтом здравоохранения и Центром военно-морских исследований. Далее по тексту — Техасский университет. — *Здесь и далее примеч. ред.*

** «Агги» («агрии») — прозвище студентов, выпускников и членов спортивных команд Техасского сельскохозяйственного и политехнического университета.

ти президента Буша, Стив Хэдли, просит позвонить ему «в ближайшие пару часов». Сэнди приписала, что в стремлении связаться со мной помощник мистера Хэдли был «весьма настойчив». Я попросил Сэнди проинформировать Стива, что я непременно позвоню ему в субботу утром. Я понятия не имел, что от меня понадобилось Стиву, но я почти девять лет и при четырех президентах был членом Совета национальной безопасности (СНБ) и твердо усвоил нехитрую истину: западное крыло* частенько требует безотлагательных действий, когда в этом нет насущной необходимости.

Мы с Хэдли познакомились на заседании СНБ летом 1974 года и с тех пор поддерживали дружеские отношения, хотя лично встречались редко. В январе 2005 года Стив, который сменил Кондолизу Райс в качестве советника по национальной безопасности при втором сроке Джорджа Буша, поинтересовался, не хочу ли я стать первым директором Национальной разведки — ведомства, созданного годом ранее; причем я не скрывал, что это решение и сам этот пост видятся мне, мягко говоря, спорными и не работоспособными. Президент и его старшие советники желали, чтобы я от критики перешел к практике и заставил это ведомство работать. В понедельник инаугурационной недели я встретился с Хэдли и главой администрации Белого дома Энди Кардом в Вашингтоне. Мы подробно обсудили прерогативы разведки и расширение президентом возможностей директора Национальной разведки, и к выходным все — и я в том числе — уверились, что я соглашусь взяться за эту работу.

Мы расстались с условием, что в следующий понедельник я позвоню Карду в Кэмп-Дэвид и сообщу о своем окончательном решении. Все выходные я не находил себе места. В ночь с субботы на воскресенье, ворочаясь без сна в постели, я не выдержал и попросил Бекки принять решение за меня: я знал, как сильно ей нравится Техасский университет, так что от нее всего-то и требовалось сказать: «Нет, в Вашингтон мы не вернемся». Но вместо

* Западное крыло — сленговое обозначение администрации президента США, по расположению в Белом доме; в западном крыле последнего находятся Овальный кабинет (рабочий кабинет президента), Кабинетная (офис секретарей и помощников президента), Ситуационный центр (кабинет для оперативного руководства в чрезвычайных ситуациях) и Кабинет Рузвельта (конференц-зал для рабочих совещаний).

этого я услышал: «Мы сделаем так, как выберешь ты». Осталось только поблагодарить жену — и думать дальше.

Поздно вечером в воскресенье я бродил по кампусу, дымя сигарой. Обойдя такие привычные и хорошо знакомые корпуса, я решил, что не могу бросить университет: ведь еще столько планов, столько целей намечено. Вдобавок я очень, очень не хотел возвращаться на работу в правительство. Я позвонил Энди следующим утром и попросил передать президенту, что я вынужден отказаться. Похоже, мой отказ его ошеломил. Вероятно, он даже воспринял случившееся как предательство — о чем я искренне сожалею, — но это было взвешенное решение. Вернувшись домой, я сказал Бекки: «Теперь нам ничто не грозит, администрация Буша больше никогда не попросит меня о чем-либо». Я ошибался.

В девять утра в субботу — почти два года спустя, считая с того случая, — я, как и обещал, перезвонил Стиву. Он не стал тратить время на дежурные любезности и задал прямой вопрос: «Если президент попросит вас стать министром обороны, вы согласитесь?» Ошарашенный подобной прямоотой, я ответил без обиняков и колебаний: «Наши дети гибнут на двух войнах. Если президент считает, что моя помощь пригодится, у меня нет выбора — я должен согласиться. Это мой долг». Американские солдаты выполняют свой долг — как же я могу пренебречь своим?

Повесив трубку, я замер в кресле за письменным столом. Боже мой, что я наделал? О чем я только думал? Да, конечно, после почти сорока лет брака Бекки поддержит любое мое решение и все его последствия для наших двоих детей, но почему-то мне было страшно рассказать жене.

Джош Болтен, бывший начальник Административно-бюджетного управления, ранее в этом году сменивший Карда на посту главы администрации Белого дома, позвонил мне несколько дней спустя, чтобы удостовериться в моих намерениях. Он спросил, нет ли у меня каких-либо этических возражений, способных обернуться проблемами — скажем, по поводу найма нелегальных иммигрантов в качестве нянь или домработниц. Я решил слегка отыграться на нем за свои душевные метания и сообщил, что за нашим домом присматривает экономка-нелегалка. Правда, прежде чем его хватил удар, я успел прибавить, что у нее есть грин-

карта* и совсем скоро она должна получить гражданство. Сдается мне, бедняга Джош не оценил мое чувство юмора.

Болтен сказал, что нужно назначить дату для личной беседы с президентом. Я ответил, что скорее всего смогу вырваться в Вашингтон на ужин в воскресенье, 12 ноября. Но президент не захотел ждать так долго. Джош прислал мне 31 октября электронное письмо с приглашением приехать утром в воскресенье, 5 ноября, на ранчо Буша в окрестностях Кроуфорда, штат Техас.

Условия встречи, сформулированные заместителем главы администрации Белого дома Джо Хейгином в письме по электронной почте, были весьма конкретными. Мне полагалось пересечься с ним в восемь тридцать утра в Макгрегоре, штат Техас, — это примерно в двадцати минутах езды от ранчо. Местом randevу назначалась парковка у продуктового магазина «Брукшир бразерс»; Джо написал, что будет сидеть в белом «додже-дуранго», припаркованном справа от входа. Форму одежды он обозначил как «ранчо-кэжуал» — футболка и свободные брюки или джинсы. Знаете, вспоминая свои собеседования как с президентом Бушем, так и с президентом Обамой, я не могу отделаться от мысли, что в них было больше романтики «плаща и кинжала», чем в моей многолетней карьере в ЦРУ.

Я никому не рассказывал, что происходит, кроме Бекки, естественно, и кроме отца президента, экс-президента Джорджа Буша-старшего (сорок первого президента США, он же Буш-41), с которым я хотел посоветоваться. Именно благодаря ему я вообще появился в Техасском университете, когда в 1999 году стал временным деканом Школы государственного управления и государственной службы Джорджа Буша-старшего. В итоге обязанности, сулившие необременительную нагрузку на несколько дней в течение девяти месяцев, растянулись на два года и в конце концов завершились моим президентством в университете. Бушу не хотелось отпускать меня, но он понимал, что долг перед страной важнее долга перед университетом. Думаю, кстати, ему было приятно, что его сын остановил свой выбор на мне.

В назначенный для встречи с президентом день я выехал из дома около пяти утра. Назовите меня старомодным, но я счел,

* Грин-карта — в США удостоверение личности, подтверждающее вид негражданина на жительство и предоставляющее право на трудоустройство.

что пиджак и брюки больше подходят для общения с президентом, чем спортивная рубашка и джинсы. Местный «Старбакс» еще не открылся, так что первую часть моего пути, занявшего примерно два с половиной часа, глаза у меня отчаянно слипались. Всю дорогу я размышлял над вопросами, которые необходимо задать, и над ответами, которые мне предстоит давать, над серьезностью вызова, над тем, как изменится наша с женой жизнь, над плюсами и минусами должности министра обороны. Не помню, чтобы испытывал какие-либо сомнения в своих силах, — возможно, просто потому, что категорически не представлял, насколько печально положение дел. Впрочем, я сознавал, что от меня потребуется в первую очередь: большинство американцев не верили в возможность переломить ситуацию в Ираке и изменить политический климат в Вашингтоне.

Еще во время поездки я думал о том, как странно ощущать себя членом этой администрации. Я никогда ранее не беседовал с нынешним президентом. Я не участвовал в избирательной кампании 2000 года, и никто меня не просил в ней участвовать. Я практически не поддерживал контактов ни с кем в администрации Буша в годы его первого срока и был немало растерян, когда мой близкий друг и наставник, Brent Scowcroft, ввязался в публичный спор с администрацией относительно войны в Ираке. Да, с Райс, Хэдли, Диком Чейни* и другими я был знаком на протяжении многих лет, но ведь мне предстояло присоединиться к группе людей, которые вместе прошли через события 9/11, которым выпало воевать в двух войнах и которые шесть лет состояли в одной команде. Я для них был посторонним.

Тайное рандеву в Макгрегоре обошлось без накладок. Когда мы подъехали к ранчо, я воочию увидел, насколько строже стали меры безопасности после событий 9/11. Мне и прежде доводилось посещать президентские резиденции, и все они усиленно охранялись, но ничего подобного раньше не наблюдалось. Джо высадил меня у президентского дома, внушительного и строгого одноэтажного здания на некотором расстоянии от главного ранчо. В этом здании находился просторный кабинет и гостиная для

* Чейни Ричард (Дик) — политический деятель, министр обороны в администрации Дж. Буша-старшего, вице-президент при Дж. Буше-младшем; самый влиятельный вице-президент в истории США, по оценке газеты «Вашингтон пост».

встреч, а также кухня и несколько оборудованных компьютерами офисов для персонала. Я приехал раньше президента (всегда соблюдаю протокол), наконец-то выпил чашку кофе и осматривал ранчо, пока не прибыл президент — это произошло ровно в девять. (Буш исключительно пунктуален.) Увидев меня, он извинился перед большой группой друзей и членов семьи, которые приехали праздновать шестидесятилетие первой леди, Лоры Буш, и пригласил меня в кабинет.

Мы обменялись любезностями, и президент приступил к делу. Начал он с важности успеха в Ираке, заявил, что нынешняя стратегия неэффективна, следовательно, необходим новый подход. Он сказал, что всерьез обдумывает существенное увеличение численности американского контингента для обеспечения безопасности Багдада. Потом поинтересовался моим опытом работы в Группе по изучению Ирака (подробнее о ней чуть позже) и моим мнением относительно увеличения численности наших войск. По словам Буша, он размышлял о смене военного руководства в Ираке и присматривался к генерал-лейтенанту Дэвиду Петрэусу. Ирак, очевидно, занимал все мысли президента, но он также коснулся ситуации в Афганистане и ряда других проблем национальной безопасности, в том числе Ирана и политического климата в Вашингтоне; затем кратко описал свои принципы управления — в частности, упомянул, что ожидает полной искренности от старших советников. Когда президент со значением произнес, что его отец не знает о нашей встрече, я ощутил неловкость, но не стал его разочаровывать. Совершенно ясно, что он не советовался с отцом насчет моего потенциального назначения; что бы ни утверждали позднее злые языки, Буш-41 никакой протекции мне не оказывал.

Президент спросил, есть ли у меня вопросы или какие-либо соображения. Я ответил, что в моей повестке дня пять пунктов. Во-первых, Ирак: на основе информации, собранной Группой по изучению Ирака, я считаю увеличение численности войск необходимым, но продолжительность пребывания нашего контингента в этой стране должна быть тесно увязана с конкретными действиями иракского правительства, прежде всего — с принятием ключевых законодательных инициатив, способствующих примирению противоборствующих сторон и обеспечению наци-

онального единства. Во-вторых, я выразил глубокое беспокойство по поводу Афганистана: на мой взгляд, мы им пренебрегаем, уделяя слишком много внимания тому, чтобы создать эффективную центральную власть в стране, которая никогда ее, по сути, не имела, и игнорируем положение дел в провинциях, областях и племенах. В-третьих, я подчеркнул, что, с моей точки зрения, ни армия, ни корпус морской пехоты недостаточно многочисленны для решения задач, которые перед ними в настоящее время ставятся; следовательно, нужно больше людей. В-четвертых, я упомянул о «раскрытии кубышки» и привлечении Национальной гвардии и резервистов — в конце концов, большинство мужчин и женщин записываются в Национальную гвардию, предполагая, что их ожидают ежемесячные тренировки и занятия в летних учебных лагерях, а также призыв в случае стихийных бедствий или национального кризиса; вместо этого их превратили в армейские подразделения и отправляют служить по году и более в самых опасных местах, причем нередко это происходит на регулярной основе. Я сказал президенту, что, по-моему, такая практика чревата негативными последствиями для семей и для работодателей, и с этим нужно что-то делать. Он не возразил ни словом по поводу гвардии. Наконец я заявил, что не могу считаться экспертом и не являюсь в полной мере информированным, однако то, что я слышал и что читал, убеждает меня в следующем факте — Пентагон закупает слишком много оружия, больше подходящего для «холодной войны», чем для двадцать первого столетия.

Мы проговорили около часа, затем президент подался вперед и спросил, остались ли у меня какие-то вопросы. Я сказал, что нет. Тогда он криво улыбнулся и спросил: «Чейни?» Когда я скопировал его улыбку, он произнес: «Важная персона, очень важная, но всего одна». Я сказал, что поддерживал хорошие отношения с Чейни, когда тот занимал пост министра обороны, и надеюсь, что это пригодится. Президент же заметил, что знает, как я люблю Техасский университет, но страна нуждается во мне. И спросил, готов ли я принять обязанности министра. Я ответил — да.

Он весьма откровенно беседовал со мной о многом, в том числе о вице-президенте, и явно ожидал с моей стороны не мень-